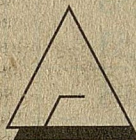

Общая газ. - 1995 -
27 апр. - 3 мая - с. 31

БИНОКЛЬ

Сумасшедший дом — парабола театра

АНГЛИЙСКИЙ режиссер Питер Брук считает Бруклинскую академию музыки своим вторым — после его парижской экспериментальной студии — домом. Наверное, поэтому он тут и отпраздновал свое семидесятилетие американской премьерой спектакля, над которым его труппа работала более семи лет.

Даже название этого спектакля звучит загадочно: «Человек, который». Впрочем, это как раз небольшая тайна. Брук озглавил свой очередной спектакль по титулу книги нью-йоркского невропатолога Оливера Закса «Человек, который принял свою жену за шляпу». Это собрание клинических историй, где описываются десятки пациентов, пораженных различными редкими нарушениями психики, не только стало бестселлером, но и послужило основой для многих произведений искусства. Отдельные истории болезни из коллекции Закса стали пьесами, фильмами, даже оперой. Что касается Питера Брука, то он поставил сразу всю книгу. На почти голой сцене — стол, стул и два телевизора — на протяжении

100 минут четыре актера по очереди представляют врачей и пациентов. Зрителя пригласили в паноптикум. Перед его глазами проходит длинная череда монстров, каждый из которых отделен от нас стеной непонимания. Все они как бы с чужой планеты. Помимо человека, перепутавшего жену со шляпой, среди героев спектакля больной, неспособный увидеть левую часть своего тела. Другой персонаж не отличает сна от яви, третий потерял связь между звуком и смыслом слов, четвертый одержим фантастическим тиком, пятый тут же забывает все, что с ним происходит. Этот бесконечный парад психических расстройств Брук превращает в балет личностей. Вовсе необязательно больных, ненормальных личностей. Сама норма тут становится жидкой, изменчивой, протеичной. Вместе с белым халатом, превращающим пациента во врача, от одного актера к другому переходит право считаться нормальным, разумным, здоровым. Этот виртуозно разыгранный ментальный танец выдает подспудную мысль спектакля. Реальность — лишь плод нашего восприятия. Потому художники так набросились на клиентов Оливера Зак-

са, что искусство почувствовало здесь себе поживу. Ведь стоит чуть изменить параметры нашего мироощущения, как вместе с ними послушно изменится и окружающее. За каждым сдвигом сознания открывается новая, еще не исследованная художником вселенная. Короче: сколько людей — столько миров. Питер Брук оживляет этот заблудный трюизм в акте углубленного самопознания — но не человека, а искусства. Художественно аскетично и эмоционально нейтрально воссозданный им на сцене сумасшедший дом — это парабола театра. И то, и другое душевспасительное заведение — склад личин, арсенал масок, которые — в качестве ампулы или мании — могут намертво прирасти к лицу.

Новый шедевр Питера Брука напоминает радикальные манифесты его великого учителя, изобретателя «театра жестокости» Антонена Арто: «Если театр действительно хочет вновь стать необходимым, он должен дать нам все то, что можно найти в любви, в преступлении, в войне или в безумии».

Александр ГЕНИС
Нью-Йорк